

Пять кур — возни с ними было немало.

Сначала вскипятить воду, ошпарить туши, ощипать перья, выпотрошить — а потом уже тушить или готовить в соусе. На всё это уходило не меньше полутора часов.

К тому времени уже совсем стемнело: небо усыпано звёздами, яркая луна висела высоко. В деревне люди, спасаясь от духоты, уже почти разошлись спать.

Лёгкий ветерок начала лета приносил приятную прохладу, как вдруг по всей деревне разлился густой, насыщенный запах куриного мяса. Тут же пошли разговоры: у семьи Чжан Мэйлинь опять мясо на столе — видно, живут они уж слишком хорошо.

А раз уж заговорили о них, невольно вспомнили и недавний скандал. Говорили: есть ли у Чжан Мэйлинь хоть совесть? Если бы у них вырос такой "почтительный" сын, разве могли бы они спокойно мясо есть? Да они бы, пожалуй, уже и верёвку нашли.

Тянь Саньнян была беременна; стоило ей уловить мясной запах — и тут же проснулся аппетит. Но сказать об этом свекрови она не решалась. Та как раз, глядя в сторону дома Чжан Мэйлинь, что-то бормотала себе под нос, словно на расстоянии проклинала её.

Свекровь бранила Чжан Мэйлинь: мол, та — расточительная баба, муж надрывается, деньги в дом приносит, а она даже сына как следует воспитать не может. И добавляла, что плотник Тянь зря на ней женился.

Говорила: будь у неё такая невестка — давно бы выгнала.

И, выпучив глаза, строго наставляла Тянь Саньнян ни в коем случае не брать пример с Чжан Мэйлинь.

Тянь Саньнян боялась смотреть в мутные, злые, колючие глаза свекрови — только опускала голову и часто кивала.

Свекровь продолжала: если бы родители плотника Тяня были живы, Чжан Мэйлинь не выросла бы такой испорченной — было бы кому наставить. И вообще, в доме должен быть старший: недаром говорят, что если в семье есть старик — это словно сокровище...

Младшей дочке Тянь Саньнян, Сань-я, было всего пять лет. Почувствовав аромат курицы, она, конечно, закапризничала и расплакалась, требуя поесть.

Свекровь прикрикнула на неё, а потом, решив, что ребёнок всё равно ничего не понимает, взмахнула кухонным ножом, которым резала траву для свиней. Девочка тут же испуганно замолчала и спряталась под стол.

Ребёнок утих, но свекровь не унималась — всё продолжала ругать Чжан Мэйлинь, мол, та каждый день ест курятину, будто спешит переродиться, пока ещё есть чем наестся.

А у самой Чжан Мэйлинь мяса не было ни куска. Она только смотрела на двоих за столом, сдерживая дыхание от страха. В животе урчало от голода и усталости, она невольно несколько раз сглотнула слюну.

Глядя, как Хэ Бянь ест — всё лицо и рот в жире, глаза аж светятся от удовольствия — Чжан Мэйлинь так сжала руки, что ещё немного — и выступила бы кровь.

Целых пять кур.

И они вдвоём съели всё до последнего кусочка.

И не боятся же лопнуть!

Хэ Бянь скормил дурачку четыре курицы — и ни кусочка не дал им. Так хорошо обращаться даже с каким-то дураком... поистине, злая натура с рождения.

Когда в животе Тянь Ваньсина громко заурчало от голода, Хэ Бянь, поглаживая свой живот, сытно и громко рыгнул.

Он не стал обращать на них внимания и повёл Чжоу Ци посмотреть комнату, где тому предстояло жить.

Чжан Мэйлинь убрала там довольно чисто. В кладовке были аккуратно сложены горы дров — их, кстати, сам Хэ Бянь когда-то и нарубил, аккуратно сложив. У входа стояла небольшая бамбуковая кровать, на ней лежало аккуратно сложенное новое одеяло и две помятые смены одежды.

За кладовой располагались свинарник и выгребной туалет. С наступлением лета жара усилилась, и запах стоял довольно неприятный.

Впервые у Хэ Бяня возникло недовольство, и он начал придирается.

«Как вы могли дать брату носить ЭТО?!»

Эти два комплекта были из грубой серой конопляной ткани — их носил старший Тянь больше десяти лет. Нити основы и утка уже разболтались от стирок, ткань отсырела. Изначально это были рубаха с длинными рукавами и штаны, но позже старший Тянь стал брезговать их ветхостью, и Чжан Мэйлинь укоротила их. Все серые заплатки на одежде Хэ Бяня как раз были с этих вещей.

Хэ Бянь тут же швырнул одежду в лицо Чжан Мэйлинь и потребовал, чтобы она принесла новую — сшитую из голубой и тёмно-синей ткани, купленной в прошлом месяце.

Мать и сын, услышав это требование, так разозлились, что казалось — ещё немного, и этот тёмный, сырой угол вспыхнет от их взглядов.

Ту ткань старший Тянь специально купил в уездном городе. В их посёлке такую хорошую материю было не достать. Всего это обошлось в пятьсот тридцать монет — у кого в деревне найдётся столь роскошный материал? Это была любимая одежда старшего Тяня, и Чжан Мэйлинь долго хвасталась ею перед людьми.

Но им оставалось только подавить свою ярость.

Хэ Бянь был в отличном настроении:

«Матушка, братец, что это у вас у всех лица покраснели? Смотрите, не надорвитесь от злости».

Затем он повернулся к Чжоу Ци:

«Брат, может, тебе лучше переселиться в комнату старшего Тяня?»

От этих слов у Чжан Мэйлинь и её сына нервно задёрнулись веки.

В прошлой жизни Чжоу Ци мог сутками сражаться среди гор трупов и моря крови — и не чувствовать смрода. Но теперь он был человеком, а человеку полагается любить чистоту.

«Не нужно. Живи там, где ты живёшь» - сказал он.

Хэ Бянь смутился, щеки вспыхнули. Его комната была слишком захламлена. Когда Чжоу Ци остановился у порога, он тоже на мгновение замолчал.

Двери не было. Во всём дворе из серого кирпича с черепичной крышей только у этой комнаты не было замка — даже у его дровяной кладовой имелся засов.

Тусклый свет падал на пол, усеянный блестящими неровностями — это стояла вода. Сразу у входа лежали мотыги, корзины, сельхозинструменты, плуг, корм для птицы — отруби и шелуха, в циновках были завернуты листья овощей, которые нужно было сушить. Пол был неровный — сзади выше, спереди ниже; за стеной проходила канава, и вода круглый год просачивалась внутрь, образуя у входа грязные лужи.

Запахи смешались — сырость, плесень, гниение — тяжёлый дух проникал повсюду, даже у подножия глинобитной стены выросли грибы.

Кровать была собрана из простых досок. Одеяло хоть и сложено аккуратно, выглядело сырым и серым, источая бедный, потный запах.

«Я... я стирал, всё чисто, просто...»

Хэ Бянь выглядел так, будто в его нору заглянул чужак: он метался взглядом по сторонам, неловко сжимал ладони, полный растерянности и тревоги, словно надеясь, что его не станут презирать.

В этот момент в нём будто исчезла прежняя злоба — он снова стал робким и неуклюжим. Он даже забыл, что Чжоу Ци всего лишь дурачок — только чувствовал на себе взгляд, ожидая оценки.

Чжоу Ци сказал:

«Ты будешь жить в моей комнате. Я — здесь».

Хэ Бянь замер.

В груди на мгновение разлилось тёплое чувство, но его тут же перекрыла другая, стремительно возникшая мысль.

Он поднял голову и улыбнулся:

«Конечно, брату нужно самое лучшее. Если только ты не будешь меня презирать — всё, что есть: еду, одежду, вещи — я хочу отдавать тебе самое лучшее!»

«Брат, у тебя нет родных, которые бы тебя приняли. У меня тоже нет. Значит, мы — самые близкие друг другу. Ты должен хорошо ко мне относиться, и я буду хорошо относиться к тебе».

Чжоу Ци опустил взгляд на его юные глаза — тот старательно распахнул их, делая вид невинности. В них скрывались мелкие хитрости, но сейчас они были куда живее, чем его

прежнее тупое, заторможенное выражение.

Каждый вернулся в свою комнату.

Спать.

Это была вторая ночь Хэ Бяня после перерождения.

И первая ночь Чжоу Ци в новом мире — в человеческом теле.

Прошлой ночью Хэ Бянь почти не сомкнул глаз, а сегодня, наевшись досыта и обзаведясь послушным помощником, быстро погрузился в сон, даже несмотря на сырой, затхлый запах.

Но всю ночь его мучили странные, причудливые сны.

То ему снилось, как в детстве Тянь Ваньсин гонял цыплят, загнал их прямо в навозную яму. Чжан Мэйлинь велела ему лезть туда и доставать их, да ещё и отхлестала бамбуковой палкой — за то, что он плохо присматривал за младшим братом и птицей.

То снилось, что он плохо справился с работой, и плотник Тянь разрубил его топором на две половины — и каждая из них всё равно должна была выполнять свою долю работы...

То вдруг — нестерпимая боль в животе: Чжан Мэйлинь отравила его, он умирал, кровь текла из всех отверстий, а потом его тело бросили в пустоши, где птицы, звери, змеи и насекомые обглодали его плоть и кости.

То ему чудилось, будто кто-то гладит его по животу, пытается задрать одежду. Он поднял голову — и увидел жуткое, перекошенное лицо Ван Саньлана.

Хэ Бянь резко проснулся, охваченный страхом.

И у кровати действительно сидела чья-то фигура — рука лежала у него на животе!

От ужаса он едва не прикусил язык. Живот скрутило болью, тело не слушалось.

«Сон... это всё сон...» — подумал он, уже собираясь укунить себя, чтобы проснуться, но Чжоу Ци протянул руку, сжал его за подбородок и не дал сомкнуть зубы.

Он посмотрел на испуганные, широко распахнутые глаза Хэ Бяня. Совсем не тот дерзкий, колючий человек, каким он был днём — сейчас в нём остались лишь страх и уязвимость.

«Это я. Ты всю ночь метался и орал, не давая мне спать. Живот всё ещё болит?»

Чжоу Ци убрал руку и спросил это спокойно. Хэ Бянь торопливо ощупал живот — боль почти прошла, осталась лишь лёгкая тянущая тяжесть и странное тепло.

Значит, боль во сне ему не привиделась.

Хэ Бянь с досадой сказал:

«Чжан Мэйлинь опять меня отравила!»

«Никакого яда» - ответил Чжоу Ци. «Ты долго недоедал, а теперь резко наелся мяса — вот желудок и не выдержал».

Хэ Бянь сказал:

«Ты знал? И всё равно не сказал мне».

Чжоу Ци ответил:

«Скажи я тебе — ты бы всё равно не удержался. Даже если бы там был яд, ты бы всё равно откусил пару раз».

Небольшая энергия, полученная от пяти кур, действительно уже была полностью израсходована на Хэ Бяня.

Чжоу Ци встал, собираясь уйти, но его одежду вдруг потянули за край. Он обернулся.

В темноте взгляд Хэ Бяня метался, избегая его глаз. Они оба замерли. В конце концов Хэ Бянь всё же отпустил край его одежды.

Слова Чжоу Ци были всё такими же холодно-ровными, но в них Хэ Бянь будто уловил едва заметную уступчивую усталость — и это придало ему странной смелости схватиться за его одежду.

Но на самом деле Чжоу Ци ничего не понимал. Он просто... начал привыкать.

Это был всего лишь кошмар. С рассветом он разберётся с делами Ван Саньлана.

Хэ Бянь сжался, напряг плечи, свернулся клубком и, стиснув зубы, закрыл глаза, уставившись в стену.

Он даже не заметил, что у двери до самого рассвета стояла высокая тёмная фигура.

Чжоу Ци слушал дыхание в комнате: сначала оно было напряжённым и сбивчивым, но вскоре стало ровным и спокойным — кошмары больше не возвращались.

В мире звёздных апокалипсисов никто бы не поверил в такую сцену. В его "прошлом мире" существовали лишь разрушение и убийства — там не было места защите.

Он стоял у двери, конечно, не ради того, чтобы сторожить Хэ Бяня.

Просто, впервые став человеком, он не мог уснуть и думал о том, как жить дальше. Он устал от интриг и борьбы за власть. В будущем всё сведётся к простой жизни: грубая пицца и три приёма еды в день.

И если рядом будет такой шумный голос, как у Хэ Бяня... возможно, это даже не будет скучно.

<http://bllate.org/book/17226/1613181>